Это был монах из секты Ваджраяны.

О таких монахах Ли Циншань знал из своих воспоминаний.

Они жили в странах Зарубежного Запада. Там были разные страны, и секты жестоко воевали друг с другом. Там царил невероятный хаос, поэтому монахи отличались природной агрессивностью, в отличие от монахов Центральных равнин.

Они были похожи на Безумный Глаз Ваджры, описанного в буддийских писаниях. Они могли убить человека без всякого предупреждения.

Ли Циншань молча наблюдал за происходящим. Монах находился в Плоскости Грандмастера, и его способности достигли пика. Он максимально расширил свой домен Грандмастера, и его ширина достигала тысячи метров. С его помощью он осматривал окрестности.

Ли Циншань вошел в домен и находился всего в нескольких сотнях метров от него, но монах не обнаружил его. Это свидетельствовало о значительной разнице между их уровнями.

Несмотря на то что они оба были грандмастерами, в плоскости грандмастеров все равно существовали разные уровни.

Монах с радостью посмотрел на стелу перед собой.

— Амитабха, — пробормотал он про себя. — Я не ожидал, что так легко пройду на Утес Покаяния секты Юхуа.

— Три тысячи лет назад святой буддист из Зарубежных Западных районов посеял хаос на Центральных равнинах. Он победил бесчисленное множество праведных сект и стал настолько самонадеянным, что преодолел тысячи миль, чтобы спровоцировать Секту Юхуа.

— Но Секта Юхуа в то время занимала первое место среди праведных сект и была очень могущественной. Поэтому глава секты победил буддийского святого одним мечом и заключил его в стелу, бросив на Утес Покаяния.

— После этого разразилась великая война, и весь мир культивации оказался в смятении. Люди постепенно стали забывать о святом буддисте.

— Но никто не понимал, что он, заключенный в стелу, украл самое важное буддийское писание Зарубежных Западных регионов.

— Буддийское писание Трикайя!

— Без Трикайи секта Ваджраяны из Зарубежных Западных регионов долгое время пребывала в упадке. В этот раз я вместе со своим господином посетил секту Юхуа. Воспользовавшись ночью, я должен найти стелу и постичь Писания Трикайя. Мой долг — вернуть славу секте Ваджраяны!

Монах был очень счастлив. Он не думал, что сможет так легко попасть в Утес Покаяния.

Было очевидно, что в секте Юхуа тоже не знали о писании Трикайя.

Он тщательно искал писание среди огромного Леса Стел.

Ли Циншань наблюдал за ним издалека. Монах быстро отыскал стелу и продолжил

углубляться в нее.

Он не мешал мужчине.

"Буддийское писание Трикайя? Это магнум опус секты Ваджраяны? Монах выглядит таким нервным. Должно быть, это очень мощная техника".

Ли Циншань не стал беспокоить монаха. Вместо этого он хотел, чтобы тот нашел ее для него.

Поиски продолжались до полуночи.

Монах очень старался и не сдавался.

Конечно, по мере того как время шло, а он не находил, его гнев тоже начал расти, но он старался подавить его.

Это было необходимо. Если наступит день и люди обнаружат его, он погибнет.

Если бы Секта Юхуа узнала, что он пробрался на Утес Покаяния, они бы точно жестоко наказали его.

К счастью, пройдя вглубь Леса Стел, он в конце концов нашел стелу с тремя Буддами, вырезанную в поздней половине ночи.

— Это Трикайя, магнум опус Секты Ваджраяны, но он был брошен здесь как мусор и всеми проигнорирован. Это кощунство! — сказал монах, дрожа от волнения.

Он дрожал от волнения и был чрезвычайно счастлив.

— Пока я могу постигать писание Трикайя, я стану Буддой этого поколения. Тогда я объединю Зарубежные Западные районы, верну славу Секте Ваджраяны и поведу армию в атаку на Центральные равнины. Узрите! Эти люди, которые смотрели на меня свысока, эти возвышенные люди с Центральных равнин, я хочу использовать их плоть и кровь для укрепления своей репутации!

Монах протянул руку и прикоснулся к стеле с буддийскими писаниями Трикайи. Выражение его лица было очень взволнованным, он мечтал о будущем.

Слушая это со спины, Ли Циншань нахмурил брови.

— Кхм! — он тихонько кашлянул.

— Кто это? — закричал монах в шоке и гнев. Он испуганно вскочил и с яростным выражением лица обернулся.

— Хранитель стелы! — спокойно сказал Ли Циншань. Он вышел в лунный свет.

— Хранитель стелы? Ты — бывший главный ученик секты Юхуа, принц Великой династии Янь, у которого были отключены культивация и корневая кость, — монах узнал Ли Циншаня и оправился от шока. Он насмешливо и презрительно посмотрел на Ли Циншаня.

— Да, — Ли Циншань кивнул.

— Раз уж ты меня обнаружил, то извини. Я должен отрубить тебе голову. Никто не должен об этом узнать. Вيني себя за то, что не занимался своими делами, — монах угрожающе уставился на Ли Циншаня.

Ли Циншань не рассердился. Он улыбнулся и сказал:

— Даже отрубив мне голову, ты не сможешь забрать буддийские писания Трикайи.

— Что ты говоришь? — прорычал монах, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Писания Трикайя высечены на стеле, но можешь ли ты постичь их? — Ли Циншань насмешливо хмыкнул.

Старый Хранитель Стел говорил, что для постижения техник на стелах требуется духовное сознание, которое также называется уровнем постижения.

Чем мощнее техника, тем больше духовного сознания она поглощает.

Если буддийские писания Трикайи были настолько важны, то сколько духовного сознания они должны были поглотить?

У этого монаха не было максимального уровня Понимания, поэтому Ли Циншань предположил, что он не сможет постичь писание Трикайя.

— Я не смогу постичь его? Ты поместил сюда писание Трикайя, растратил сокровища и говоришь, что я не могу их постичь? — монах не поверил словам Ли Циншаня и усмехнулся.

— Можешь попробовать, — сказал Ли Циншань, подняв руку.

Монах уставился на него, а затем посмотрел на стелу. В его глазах появилось подозрение.

— Я всего лишь инвалид, так чего же ты боишься? Просто попробуй, — с улыбкой сказал Ли Циншань.

Монах посмотрел на стелу и начал серьезно вникать в смысл. Он верил, что у него получится.

Но реальность ударила его по лицу.

Он серьезно постигал и постепенно входил в предельное состояние, но вдруг почувствовал головную боль. Из него что-то извлекали. Он вскрикнул от боли и поспешно отступил, схватившись за голову.

Ли Циншань видел все со стороны.

Это было постижение, известное также как духовное сознание, поглощаемое буддийскими писаниями Трикайя.

В будущем скорость культивирования этого монаха станет намного медленнее.

Конечно, это если у него есть будущее.

— Это невозможно! Эта стела поглощает духовное сознание? — монах уставился на него с недоверием и гневом.

— Я же говорил тебе, что ты не сможешь постичь это, — сказал Ли Циншань со стороны.

— Я убью тебя! — монах был в ярости, поэтому выплеснул весь свой гнев на Ли Циншаня. Он шагнул вперед и схватил его пятью пальцами. Из него вырвалась гневная Истинная Ци.

Коготь, разрывающий сердце!

У монаха разболелась голова, и он не хотел слушать, что говорит Ли Циншань. Вместо этого он просто хотел выплеснуть свой гнев и боль, убив кого-нибудь.

Разъяренный монах не заметил, что Ли Циншань, который до этого улыбался, теперь стал холодным. Он смотрел на монаха так, словно тот был уже мертв.

Сам он ничего не предпринимал.

Вдруг из тени выскочили пять призраков. Огромные тела высотой от двух до трех метров имели угрожающие черты, как у призраков, и пришли забрать его жизнь. "Бум!"

С тех пор как Ли Циншань создал их, пять призраков занимались домашней работой, а теперь они жаждали кровопролития. Поскольку их желания наконец-то исполнились, они, естественно, выложились на полную катушку.

К тому же, после поглощения Демонической Техники Пяти Императоров все они находились на Плоскости Гроссмейстера.

Пять ракшасов набросились друг на друга и с размаху разорвали монаха из Секты Ваджраяны на части.

Тот не мог оказать никакого сопротивления.

Свежая кровь и куски плоти разлетелись по земле.

Ли Циншань подошел и с отвращением покачал головой. Он посмотрел на пятерых призраков. Нахмурившись, он сказал:

— Вы убили его, поэтому вы и отвечаете за уборку этого места. Вы не должны позволить людям узнать об этом.

Пятеро призраков были ошеломлены.

Если бы он сказал им, что им придется убираться, они бы не устроили такой большой беспорядок.

Они умоляюще посмотрели на Ли Циншаня.

Не обращая на них внимания, Ли Циншань подошел к стеле с писанием Трикайя и начал серьезно его осмысливать.